

решений государства.

Литература

1. Уильямсон О. Частная собственность и рынок капитала//«ЭКО». –1993. – №5. – С. 31.
2. Норт Д. Институты и экономический рост: исторические введения// THESIS. – 1993. – Т.1. – Вып. 2. – С.73.
3. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию// Вопросы экономики. – 2005. – №5. – С.5-27.
4. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории//Вопросы экономики. – 2003. – №1. – С.24-41.
5. Региональные проблемы переходной экономики: вопросы теории и практики / Под ред В.Г. Алиева. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 646 с.
6. Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М: ИНФРА-М, 2000. –416с.
7. Новоселов А.С. теория региональных рынков. Ростов–на-Дону: Феникс; Новоси-

бирск: Сибирское соглашение, 2002. –448 с.

8. Советский энциклопедический словарь/ Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1988. – С.166.
9. Словарь по экономике. Пер. с англ. Под ред. П.А. Ватника. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – С.196.
10. Кемпбелл Р. Макконнелл, Стенлі Л. Брю . Аналітична економія принципи, проблеми, політика. Частина 2 Мікроекономіка. – Львів: «Просвіта», 1999. – С.61.
11. Україна на шляху до Європи / за ред.. Л. Хоффмана, Ф. Мьоллерса. – К.: Видавництво «Фенікс», 2001. – С.108
12. Rostow W. The Stages of Economic Growth. – N.Y.,1960.
13. Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода// Вопросы экономики. – 2001. –№2. – С.108-124.

Статья поступила в редакцию 26.01.2006

Е.В. ОРЕХОВА,

Одесский Национальный Университет им. И.И. Мечникова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИК.

В какой момент экономика, вошедшая в полосу глубинного реформирования, перестает быть переходной? Ответ, который можно встретить в некоторых зарубежных транзитологических исследованиях, достаточно прост: когда ею будет превзойден дореформенный уровень ВВП (или промышленного производства). С этой точки зрения украинской экономике потребуется еще немало времени, чтобы приобрести статус "непереходной". Достоинства такого чисто статистического критерия очевидны – строгость и однозначность; однако он мало что говорит о внутреннем содержании процесса системной трансформации. Наверное, с его помощью можно более или менее точно датировать окончание переходного кризиса, но ведь переходный кризис и переходный процесс – это не обязательно одно и то же.

Необходимо отметить, что данная проблема абсолютно мало исследована, но всё же некоторые авторы уделяли ей своё внимание. Так вот например, А.Нестеренко[4], О.Уильямсон[7], С.Кордонский[2], Д.Норт[5], Д.Старк[6].

Именно поэтому целью данной статьи является исследование существующей институциональной природы переходных экономик.

Современная институциональная теория исходит из иной перспективы. Экономика перестает рассматриваться как переходная, когда в общих чертах завершается формирование ее нового институционального фундамента. Так, в одной интересной публикации А. Нестеренко нарисована впечатляющая картина законодательного прогресса в переходной экономике. По его оценке, к концу 90-х гг. в основных сегментах украинской экономики утвердились новые "правила игры", откуда делается вывод, что ее следует считать уже вышедшей из числа экономик переходного типа[4].

К сожалению, этот обязывающий вывод формулируется безотносительно к тому, как на деле работают вновь введенные политические, экономические и правовые институты. Уязвимость позиции А. Нестеренко – в чрезмерном "юридизме": неявно она предполагает, что вся-

© Е.В. Орехова, 2006

кий институт превращается в действующий тотчас, как только состоялось его формальное учреждение. Не случайно, что про механизмы enforcement'a, призванные защищать законы и контракты от возможных нарушений, в его работе упоминается мимоходом и лишь однажды.

Наверное, здесь будет уместно напомнить, что под институтами современный институциональный анализ понимает: а) общие "правила игры" (как формальные, так и неформальные), которые структурируют пространство социальных и экономических взаимодействий; б) инстанции и процедуры, обеспечивающие соблюдение (в том числе – принудительное) этих правил. Помимо специализированных публичных механизмов enforcement'a (полиции, судов, тюрем) существует множество иных дисциплинирующих средств. К примеру, кровная месть, остракизм, осуждение окружающих, чувства вины и стыда (возникающие при нарушении интериоризированных моральных норм) и т.д.

Воспользуемся аналогией с какой-либо спортивной игрой, например, футболом. Правила, предусматривающие, что матч состоит из двух таймов по сорок пять минут, что вратарю разрешается играть руками только в пределах штрафной площади, что во время встречи тренер не вправе выходить за пределы строго ограниченного сектора и т. д. – все это "институты". Но и судьи, которые следят за выполнением правил и налагают наказания за их нарушение, также выступают в качестве "института" особого рода. Что же касается футбольных команд, то их можно считать аналогом "организаций" (фирм, политических партий, клубов, церковей и т.п.), то есть коллективных участников социальных и экономических "игр". Наконец, базовой единицей анализа в институциональной теории признаются сделки, контракты, трансакции. Им в приведенном примере соответствуют сами матчи.

Попробуем непредвзято взглянуть на сегодняшнее институциональное обрамление украинской экономики. По всеобщему признанию, она все еще лишена ясных и надежно защищенных "правил игры", упорядочивающих поведение рыночных агентов и делающих его предсказуемым. Институциональная матрица как была, так и остается крайне несовершенной. В некоторых ключевых областях общие правила до сих пор не выработаны (наиболее известный пример – неурегулированность проблем купли-продажи земли); в других – параллельно сосуществуют нормы, находящиеся друг с другом в явном противоречии, что открывает простор для их произвольного толко-

вания и применения; в третьих "хорошие", на первый взгляд, законы не работают, потому что ничто не заставляет с ними считаться.

Конечно, все это не подразумевает буквального отсутствия каких бы то ни было общепризнанных норм и процедур. Строго говоря, любые обобщения, касающиеся институциональной системы, подлежат переводу в вероятностный формат. Встретив утверждение "такой-то институт работает так-то", его следует читать с обязательной поправкой: "такой-то институт в большинстве случаев работает так-то". Можно говорить лишь о непропорционально большом весе неформальных отношений и институтов по сравнению с формальными отношениями и институтами. На мой взгляд, этот момент – центральный для понимания институциональной природы украинской переходной экономики.

Во всех звеньях хозяйственного механизма – на рынке капитала, на рынке труда, в отношениях между предприятиями, между предприятиями и государством, между различными ветвями и уровнями власти – неписаные правила и договоренности имеют перевес перед требованиями закона, условиями контрактов и другими формальными ограничениями. Даже те договоры, которые заключаются с соблюдением всех формальностей, воспринимаются участниками как некая условность и исполняются "по обстоятельствам". В терминах О.Уильямсона дело обстоит так, как если бы основные ресурсы, которыми располагает украинская экономика, относились к разряду "специфических" и для трансакций с ними требовались исключительно "отношенческие" контракты. Это создает питательную среду для развития разнообразных "нестандартных" форм адаптации – неплатежей, бартера, нецелевого использования бюджетных средств, торговли налоговыми освобождениями, задержек заработной платы, неоплачиваемых административных отпусков, вторичной занятости, скрытой оплаты труда и т. д., которые оказываются вписаны в сложные неформальные отношенческие сети и не могли бы существовать вне них.

Исторический опыт свидетельствует, что достаточно большие по численности группы неспособны поддерживать свое существование без хотя бы минимального набора формализованных "правил игры". Общества, которые принято называть "западными", на определенном этапе развития открыли, что лучшие результаты дают базовые принципы: а) максимально широкие по охвату (в пределе – универсальные) и б) максимально бедные по содержа-

нию (то есть отвлекающиеся от особых обстоятельств времени, места и образа действий). Это позволило Фридриху Хайеку определить общества современного типа как "абстрактные", поскольку их институциональный фундамент составляют абстрактные правила справедливого поведения.

С этой точки зрения систему централизованного планирования можно рассматривать как попытку перестроить современное общество с развитым разделением труда, заменив абстрактные правила на предельно конкретные, каковыми по замыслу должны были стать плановые задания, четко предписывающие, кому, что, как и когда делать. Социалистический проект, как показали экономисты неонавстрийского направления, был изначально обречен на провал, так как исходил из глубоко ошибочных представлений об информационной природе современного сложно организованного общества. В хайековских терминах, это была попытка перейти от общественного устройства, опирающегося на абстрактные правила, к общественному устройству, опирающемуся на конкретные приказы и распоряжения из некоего единого центра. Парадокс состоит в том, что в украинском контексте любые абстрактные правила меняют природу и начинают действовать, если употребить модное выражение, "конкретно по жизни".

Мне кажется, достаточно ненадолго очутиться в любой из западных стран, чтобы почувствовать разницу между "переходным" и "непереходным" укладом жизни на самом элементарном, бытовом уровне. Очень быстро убеждаешься: чтобы успешно функционировать "там", самое главное – знать правила, тогда как для того, чтобы успешно функционировать "здесь", самое главное – знать тех, кто отвечает за принятие решений, то есть уметь войти с ними в персональный контакт.

Естественно, что динамика переходного процесса во многом задается размерами исходных институциональных обрушений. Чаще всего они затрагивают не более одного-двух ключевых сегментов общественного организма; тотальные институциональные кризисы случаются лишь при наложении множества экстраординарных событий. К сожалению, украинское общество оказалось в опасной близости именно к такому экстремальному случаю. Несмотря на всю грандиозность задач, решавшихся другими постсоциалистическими странами, институциональная ломка протекала в них менее болезненно и драматично.

Во-первых, для Украины расставание с

коммунизмом означало не только переход от одного политического строя к другому (от коммунистической идеократии к современной демократии) и от одного типа хозяйства к другому (от плановой системы к рыночному порядку), но также распад прежнего государства (СССР) и образование нового (Украина). Если страны Центральной и Восточной Европы приступали к реформам в обстановке мощного национального подъема, то Украина – в психологической атмосфере, сложившейся после исчезновения СССР. Отсюда – неодинаковое восприятие стартовых издержек "транзита", что не могло не сказаться на траекториях последующего развития.

Во-вторых, хотя во всех бывших социалистических странах базовые государственные институты были накрепко сцеплены с партийной машиной, по-видимому, в Украине, также как и в России, их взаимное прорастание зашло особенно далеко. Демонтаж коммунистического режима сопровождался не только отказом от выработанных им репрессивных механизмов, но также развалом и исчезновением многих регулирующих структур, выполнявших "стандартные" государственные функции. В-третьих, из-за особенностей административного устройства СССР в Украине отсутствовали многие атрибуты государственности, которыми, например, обладали страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). [Страны СНГ выведены за рамки обсуждения. Очевидно, что многие тенденции, характерные для украинской переходной экономики, получали в них еще более концентрированное выражение.] В результате возникшие в ней институциональные пустоты оказались масштабнее и глубже, чем в большинстве других переходных экономик. Исходя из количества отключенных формальных регуляторов было бы правомерно квалифицировать его как "супер-переходное".

Однако сложно организованные социальные системы неспособны существовать в абсолютном институциональном вакууме. Образовавшиеся пустоты сразу же и на высокой скорости стали заполняться развитием неформальных институтов, неявных контрактов и теневых практик. В известном смысле это было ответом общества на освобождение от бремени зарегулированности, налагавшегося прежней системой. Выход из сверхжесткого административного корсета раскрепощал личную инициативу, подталкивал к поиску нестандартных решений, расчищал поле для процессов спонтанной самоорганизации. Неформальные модели взаимодействия оказались важнейшим адап-

тационным ресурсом, позволявшим смягчать стартовые издержки переходного кризиса и с меньшими потерями приспособляться к новым, изменившимся условиям. Именно они помогали амортизировать многочисленные шоки, сопровождавшие процесс системной трансформации.

Здесь и далее термины "неформальные отношения", "теневые практики" и т. п. употребляются как нейтральные, без какой-либо оценочной нагрузки. У большинства отечественных дискуссий о "скрытых", "латентных", "теневых" процессах в экономике отчетливо просматривается фискальный подтекст: по сути все сводится к проблеме ухода от налогов. Такое "фискальное" прочтение молчаливо подразумевает, что само государство находится вне зоны неформальных договоренностей и теневых сделок, тогда как на деле оно очень часто выступает их инициатором и активным участником. С теоретической точки зрения вопрос о том, как при отключенных или полувключенных формальных регуляторах строится взаимодействие между участниками рынка, является более общим и фундаментальным, чем вопрос о том, как в этих условиях строится их взаимодействие с агентами государства.

Таким образом, характеристика переходных обществ как пребывающих в деинституционализированном состоянии является недостаточной и односторонней. Точнее было бы говорить о деформализации институционального пространства переходных обществ, поскольку формальные "правила игры" отходят в них на второй план, уступая место неформальным отношенческим сетям. В конечном счете, этот сдвиг – от формальных институтов к неформальным, от явных контрактов к неявным, от стандартных транзакций к персонализированным сделкам – определяет их институциональную природу.

Все реформируемые экономики оказались захвачены этим процессом. Но в Украине его темпы были, похоже, выше, охват – шире, а изобретаемые схемы поражали сложностью и разнообразием. Здесь нужно принять во внимание несколько обстоятельств. Во-первых, как хорошо известно, плановая система не смогла избежать формирования в ее недрах разветвленной сети неформальных связей. Судя по всему, в Советском Союзе внутренняя эрозия официальной экономики успела зайти особенно далеко. Во-вторых, как свидетельствует мировой опыт, при наступлении природных или социальных катаклизмов формальные институты всегда отстают перед неформальными. В

критических ситуациях жесткость, присущая законам и другим видам формальных регуляторов, становится препятствием на пути выживания общества и может провоцировать дополнительную социальную напряженность. На передний план выходят тогда неформальные институты – нормы солидарности, личной поддержки и т. д. По глубине и продолжительности переходного кризиса Украина намного превзошла большинство стран ЦВЕ. Соответственно "спрос" на разнообразные модели неформального или полужформального взаимодействия был в ней несравненно сильнее.

Но одновременно с заполнением институциональных брешей неформализованными схемами и практиками повсеместно стал развиваться другой процесс – началось массовое внедрение и освоение новых формальных институтов (политических, экономических и правовых) по образцу тех, что действуют в развитых обществах с устойчивой демократией и эффективной рыночной экономикой. В конечном счете, смысл системной трансформации заключается именно в этом – в обновлении формальных "правил игры", регулирующих различные сферы жизнедеятельности общества. Ускоренное внедрение новых институтов обеспечивалось огромными масштабами их "импорта", без которого переходный процесс неизбежно растянулся бы на более длительный период либо вообще был парализован.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в импорте институтов нет ничего необычного. Как свидетельствует история, без него не обходится ни одно динамично развивающееся общество. В деле институционального строительства стратегия "опоры на собственные силы" чревата неоправданными издержками. Известно, на какой стадии развития находилось бы человечество, если бы менее успешные группы не перенимали "правил игры", открытых более успешными группами.

Другой вопрос, какие именно формальные институты заимствовали переходные общества и насколько эффективно осуществлялась их "подгонка" к местным условиям. Похоже, что как в первом, так и во втором странах ЦВЕ удавалось действовать более рационально и продуктивно. Но хотя в Украине активность по конструированию и отладке новой системы формальных регуляторов была, по-видимому, ниже и отличалась меньшей эффективностью, тем не менее контраст между ее институциональной оснасткой в начале и в конце 90-гг. разителен.

Таким образом, с институциональной

точки зрения системная трансформация предстает как совокупность нескольких параллельных и разнонаправленных процессов. В общих чертах логику "транзита" можно обрисовать следующим образом: исходный пункт – слом "старого" институционального каркаса; защитная реакция общества – заполнение институционального вакуума разнообразными моделями неформального взаимодействия; главное содержание перемен – выработка и утверждение новых формальных "правил игры", а также механизмов, обеспечивающих их соблюдение; финальная точка – "нормализация" институционального пространства, нахождение нового устойчивого баланса между формальными и неформальными регуляторами. Предложенная схема обладает достаточно высокой степенью общности, чтобы быть применимой к противоположным случаям "транзита", будь то движение от рыночного порядка к плановой системе или, напротив, возврат от централизованной экономики к рынку.

Важно оговориться, что окончание процесса системной трансформации и успех в ее осуществлении – это не одно и то же. История дает множество примеров, когда реконструированная система формальных институтов оказывалась хуже прежней, обрекая общество на стагнацию и регресс. Вопрос об эффективности институциональной перестройки не нужно смешивать с вопросом о границах переходного процесса. В терминах Д.Норта, переходные общества – это общества, находящиеся в состоянии институционального неравновесия; отыскание новой равновесной точки в п-мерном институциональном пространстве означает завершение "транзита".

В заключении хотелось бы отметить, что переходные общества потому и принято называть переходными, что они, как предполагается, внутренне неустойчивы и не могут сохраняться долго такими, какие они есть. Однако специфическая модель, сложившаяся в украинской экономике, заставляет предполагать,

что при определенных условиях переходное состояние институциональной системы может становиться не перегонимым на пути из пункта А в пункт Б, а станцией прибытия, приобретающей черты устойчивого равновесия.

Итак, как я надеялась показать, современная институциональная теория может быть интересна не только своими общими идеями и подходами; ей есть что сказать и по поводу реальных институциональных развилок, которые открываются перед переходными обществами. Сегодня специфическая институциональная модель, сложившаяся в Украине в шоковой среде первых пореформенных лет, находится на перепутье; существует несколько правдоподобных сценариев ее дальнейшей эволюции. Какой из них окажется ведущим, по-видимому, станет ясно в ближайшие годы. Тогда-то и можно будет дать внятный ответ на вопрос: в какой момент экономика, вошедшая в полосу глубинного реформирования, перестает быть переходной.

Литература

1. Аузан А.А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. – М., 2005.
2. Кордонский С. Рынки власти. – М., 2000.
3. Нестеренко А.Н. Переходный период закончился. Что дальше? // «Вопросы экономики». – 2000. – №6.
4. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. – М., 2002.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997.
6. Старк Д. Рекомбинантная собственность // «Вопросы экономики». – 1998. – №5.
7. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. – Спб., 1997.

Статья поступила в редакцию 11.01.2006